

Радвани Ж., Лярюэль М.

**РОССИЯ. МЕЖДУ СТРАХАМИ
И ВЫЗОВАМИ**

**ADVANYI J., LARUELLE M.
La Russie. Entre peurs et défis.
Paris: Armand Colin, 2016. – 240 p.**

Жан Радвани – видный специалист по России, профессор парижского Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO), директор Центра «Европа – Евразия» при этом высшем учебном заведении. Марлен Лярюэль – профессор Института европейских, российских и евразийских исследований при Университете им. Джорджа Вашингтона (Вашингтон).

«Россия внушает страх, отмечается в предисловии. Один из американских президентов не сомневался в том, что СССР это “империя зла”. Украинский кризис придал этому определению злободневность, на этот раз оно применяется в отношении России». «Одни говорят о “вредоносной державе”, другие о “генетическом бессилии” России в отношении демократии». «Россия эпохи Путина вызывает недоверие, ее имидж никогда не был таким негативным», – считают авторы [с. 5]. Они подчеркивают, что, с одной

стороны, Россия не перестает вызывать подозрения из-за своего поведения. С другой стороны, по мнению некоторых исследователей, Россия охвачена страхом. Последние 25 лет после распада СССР, страна, ее элиты, ее общество озабочены целым рядом негативных факторов. Это – тревога по поводу демографического и экономического упадка, угроза вероятного внешнего вторжения, которая оживила прежнее ощущение «осажденной крепости». Стремительно открывшись миру во времена Бориса Ельцина, страна показывает теперь, что она не готова к глобализации.

Подвергшаяся перекрестным притязаниям со стороны Запада, выигравшего холодную войну, и слишком динамично развивающегося Китая, Россия не прекращает спор о своей идентичности: европейской, азиатской или же извечного моста, «Третьего Рима» между Востоком и Западом. Зажатая между реформаторскими надеждами и опасениями по поводу либерального общества, часто изображаемого как аморальная и порочная модель, страна выглядит как стремящаяся уйти в новую изоляцию.

Для названия глав издатели подобрали следующие провокативные названия: 1) «Россия, большая от своего пространства»; 2) «Тревожная идентичность убывающего населения»; 3) «Фрагментированное и травмированное российское общество»; 4) «Российский политический режим между поис-

ком консенсуса и сдвигом к авторитаризму»; 5) «Экономика: Русский синдром?»; 6) «Между Европой и Азией: Головокружение двуглавого орла»; 7) «Россия в мире: Осажденная крепость или новая закрытость?»

Негативное изображение России имеет давнюю историю, замечают авторы. Это огромное государство всегда вызывало беспокойство. Хотя русское общество глубоко европейское по своей истории и культуре, оно имеет отличительные особенности. В качестве примера авторы ссылаются на романы Достоевского, симфонии Шостаковича и пьесы Чехова. В настоящее время Россия не оставляет наблюдателей равнодушными к ее идеологическому и политическому выбору, который вызывает либо притяжение, либо отторжение.

Такое отношение к России во Франции проявилось еще до знаменитых писем маркиза Де Кюстина. Никто иной как Стендаль после посещения Смоленска замечал в своем письме к Феликсу Форю от 24 августа 1812 г.: «В этом океане варварства нет ничего, что отвечало бы моей душе! Все грубо, грязно, неприятно физически и морально» [с. 6]. Когда речь заходит о русской душе, то обращаются к сентенции Федора Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить». Бесчисленные аналитики готовы подписаться под этим упрощением, когда они сталкиваются с непостоянством и непонятностью полити-

ки Москвы, полагают Радвани и Ларюэль [с. 6].

Авторы считают, что по отношению к российской действительности не работают те подходы социальных наук, которые применимы к государствам в других частях мира, и особенно не подходят они к анализу того, что происходило со страной в последнее время. После плохо контролируемых перемен периода перестройки, начатой Горбачёвым, последовали распад СССР в результате неудавшегося путча августа 1991 г., политический кризис и второй путч 1993 г., а также три серьезных экономических кризиса 1998, 2008 и 2014 гг. [с. 7]. Для правящих элит страны и под влиянием массмедиа, контролируемых государством, также и для большей части населения привычным сегодня стало параноидальное представление об окружающем мире. Смешение восхищения и боязни, заинтересованности и непонимания возникло под воздействием противоречивой действительности и безмерной открытости миру за последние 30 лет. Российская экономика живет по большей части благодаря внешней торговле с опорой на избыточные природные ресурсы, что делает ее зависимой от мировых цен и поэтому во многом зависит от заграницы в том, что касается поставок большей части технологического оборудования, в котором она нужда-

ется. Ее элиты систематически отправляют своих детей учиться на Запад, лечатся и отдыхают там, несмотря на то что публично они критикуют западный образ жизни.

В последние годы легитимность главных опор режима – президент и его администрация, армия, ФСБ, Министерство внутренних дел, православная церковь, несмотря на то что их значение внешне укрепилось, подвергались критике, хотя временами и недостаточной. В начале своего третьего срока в марте 2012 г. В. Путин предпринял усиленные меры по укреплению центральной власти – в его понимании, главного фактора восстановления российской державы. Но могут ли эти меры придать стране позитивную динамику? Украинский кризис 2013–2014 гг. показал, что все противоречия значительно усилились.

Многие наблюдатели считают, что российский президент обратился к советскому наследию, от которого никогда не отказывались. Однако комплексный анализ нынешней эволюции приводит к иным выводам. Многие осевые черты путинской политики – склонность к подчинению или нейтрализации соседних государств, роль Москвы во главе нового похода по защите своих ценностей и норм от деградирующего Запада – не могут быть объяснены без исторической преемственности, имеющей давние корни. Вместе с тем следует учитывать экономические, социальные и культурные особенности страны. Наряду с «авторитарной девиацией», которую не нужно

недооценивать, можно наблюдать усиление неолиберальной практики, которая очень далека от советской модели, пишут авторы. «Россия интенсивно глобализировалась, во взаимодействии с Европой и одновременно с Китаем, в сцеплении с исламским миром, и многие двусмысленные явления и парадоксы точно отражают данную открытость страны миру» [с. 8].

В первой главе авторы раскрывают свой тезис о том, что Россия не здорова потому, что занимает огромное пространство. Такое государство, «седьмая часть света» площадью в 17 098 246 км², казалось бы, должно быть достаточным для своих жителей. Но «аннексия Крыма после поспешно проведенного референдума 16 марта 2014 г.» и заявления В. Путина о защите «русского мира», сделанное во время церемонии его официального присоединения 18 марта, подтвердили, что российские руководители все еще не признали границы, образовавшиеся после распада СССР в декабре 1991 г. Во второй раз в течение десятилетия, после признания независимости сепаратистских регионов Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., российский президент отступил от обязательств, принятых на себя Б. Ельциным, об уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ государств, возникших после распада СССР [с. 9–10].

Все это авторы называют «постимперским синдромом». Они цитируют Н. Нарочницкую, которая

«основала находящийся в Париже Институт демократии и сотрудничества»: «Россия немислима без имперского мышления. Она не может быть ничем иным, кроме как империей. Мы должны иметь великую политику, великую национальную идею...» [с. 10]. Но какой может быть империя без доминирования над территориями, находящимися за пределами национальной метрополии?

Для демонстрации неравномерности заселения территории РФ, разницы в экономическом положении и доходах граждан авторы публикуют две сравнительные таблицы положения в 2012 г. десяти наиболее развитых регионов РФ (Москвы и Московской области, Тюменской области, Башкортостана, Самарской области, Пермского края и др.), а также десяти самых слаборазвитых регионов – от Курганской и Ивановской областей до северокавказских республик, Чукотки, Калмыкии, Республики Алтай [с. 24]. Вклад регионов в общую экономику очень неравноценен – от 26,1% (вклад в общенациональный ВВП Москвы и области), 8,2 – Тюмени вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, 5,9% – С.-Петербурга и области. Наряду с этим – 0,29% Курганской области, 0,28% Ивановской области или 0,2% Чеченской Республики, 0,19% Республики Северная Осетия, и всего по 0,1% Карачаево-Черкесии, Тувы, Ингушетии, Калмыкии, Республики Алтай. Заметной является и разница в доходах на душу населения, даже

в наиболее развитых регионах: в Москве и области она составляет в пересчете на евро 14 675, в Тюмени – 31 290, в Петербурге и области – 8500, Екатеринбурге – 7630, Краснодаре – 6022 [с. 24].

К истории России последних трех десятилетий авторы обращаются в четвертой главе [с. 77–102]. В их трактовке хронологически этапы этой истории соответствуют следующим разделам: «От идеи “Европа – наш общий дом” к делегитимизации либерализма, 1989–1993 гг.»; «В поиске политического консенсуса, 1994–2000 гг.»; «Путин I: “вертикаль власти”»; «Путин II: “вызов цветных революций”»; «Дмитрий Медведев: либеральные скобки?»; «Путин III: “возврат к консерватизму”».

Вводя в текст книги определения «путинская логика», «путинизм» как особое мировоззрение, авторы замечают, что на нынешнем этапе, разумеется, можно обращаться к ностальгии по Советскому Союзу и по царской империи, без разбора определяя в качестве наиболее значимых героев национальной истории Ивана Грозного, Петра Великого, Николая II, Столыпина, Ленина или Сталина. Можно признать православие государственной религией, оправдывать извечность государственных институтов или заявлять о религиозном разнообразии в стране. Можно признать Россию страной этнических русских, находящихся в постоянной борьбе за выживание с национальными меньшинствами, или же заявлять о мультикультурной гармонии

страны, впасть в полнейший изоляционизм или воспевать усилия России по созданию многополярного мира вместе со своими союзниками. Можно апеллировать к возрождению панславизма и к единению православных братьев-славян, к евроазиатскому посылу в направлении тюркско-монгольского мира, или к «русскому миру» в направлении русской диаспоры, искать для себя модель в лице Византийской империи или современного Китая, иронизируют Радвани и Лярюэль [с. 195].

Кто командует и кто изготавливает эту идеологическую продукцию? Президентская администрация функционирует как «черный ящик» с минимальной утечкой информации о том, как принимаются решения. За кулисами этого стоят такие деятели, как Волошин или Сурков. Путин и Медведев много раз говорили о «цивилизационном коде» России, о России как отличающейся от других цивилизации, культурных и моральных основах русского общества, но это все – «умышленно расплывчатая терминология» [с. 196].

В конце концов, заключают авторы, Россия развивается в международном контексте: постоянство или непостоянство ее нынешних идеологических исканий, ее колебания между изоляционизмом и интеграцией, между положением осажденной крепости или новым крестовым походом, во многом вызваны одновременной эволюцией других крупных акторов международной политики. Следует учитывать, какое равновесие установится между Китаем и Соединенными Штатами, и будет ли успешен или не успешен Европейский союз. От того, какой вид примет это будущее равновесие, зависит и будущее России. В этом отношении западные державы несут свою долю ответственности: их политика может усилить российские тенденции к сохранению своих страхов и маний, или же, напротив, способствовать решению стоящих перед Россией проблем с помощью нового цикла сотрудничества, в результате которого мир станет более стабильным [с. 215].

В.П. Любин